

Время протеста: мультитемпоральность как характеристика отношений власти и сопротивления

АНАСТАСИЯ П. ГОЛУБЕВА

Московская высшая школа социальных и экономических наук, Москва,
Российская Федерация

ORCID: 0009-0000-4140-0201

Рекомендация для цитирования:

Голубева А. П. (2024) Время протеста: мультитемпоральность как характеристика отношений власти и сопротивления. *Социология власти*, 36 (1): 44-60. <https://doi.org/10.22394/2074-0492-2024-1-44-60>

For citations:

Golubeva A. P. (2024) Time of Protest: Multi-temporality as an Attribute of the Relations of Power and Resistance. *Sociology of Power*, 36 (1): 44-60. <https://doi.org/10.22394/2074-0492-2024-1-44-60>

Поступила в редакцию: 12.10.2023;
прошла рецензирование:
28.02.2024; принята в печать:
01.03.2024
Received: 12.10.2023; Revised:
08.02.2024; Accepted for publication:
01.03.2024

This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>). Revised: 30.01.2024

Copyright: © 2024 by the author.

Резюме:

В статье рассматривается, как ощущение исторического времени влияет на динамику отношений власти и сопротивления. Статья основывается на концепции мультитемпоральности, которая заключается в том, что в одно и то же время могут сосуществовать различные “темпоральные режимы” — то есть различные опыты переживания времени и различные темпоральные конструкции взаимосвязи прошлого, настоящего и будущего. В статье на основе работ К. Мангейма, Х. Розы и М. Фуко показывается, что власть и сопротивление оперируют в разных темпоральных режимах — то есть с разной скоростью воспринимают социальные изменения и имеют разное отношение к прошлому и будущему. В статье раскрывается ответ на вопрос — как именно оптика мультитемпоральности может служить политике сопротивления и оказывать эмансипаторный эффект? На примере концепции власти и сопротивления Фуко в работе описываются конкретные мультитемпоральные характеристики, которыми обладают власть и сопротивление; например, стремление власти к замедлению течения времени и борьба сопротивления против детерминации будущего. Рассматривается вопрос, как именно темпоральный аспект помогает власти поддерживать и укреплять свое господство, а сопротивлению — создавать альтернативные варианты будущих. Также обращается внимание на то, что именно сопротивление является катализатором социальных изменений; на основе идей Фуко и Ж. Делёза подчеркивается первичность сопротивления по отношению

к власти. Делается вывод о том, что сопротивление не просто пытается опередить власть во времени, а представляет собой качественно другой подход ко времени и истории.

Ключевые слова: власть и сопротивление, мультитемпоральность, темпоральный режим, синхронизация, философия истории, утопия, Фуко, Мангейм

Time of Protest: Multi-temporality as an Attribute of the Relations of Power and Resistance

Anastasia P. Golubeva

The Moscow School of Social and Economic Sciences, Moscow, Russian Federation

ORCID: 0009-0000-4140-0201

Abstract:

The article examines how the perception of historical time influences the dynamics of power relations and resistance. It draws on the concept of multitemporality, which posits that different 'temporal regimes' — different experiences of time and different temporal constructions of past, present, and future — can coexist. Drawing on the work of K. Mannheim, H. Rosa, and M. Foucault, the article illustrates that power and resistance operate in different temporal regimes, perceive social change at different speeds, and have different attitudes towards the past and the future. The article explores how the optics of multitemporality can serve resistance politics and have an emancipatory effect. Using Foucault's concepts of power and resistance, it describes specific multitemporal characteristics associated with power and resistance, such as power's tendency to slow down the passage of time and resistance's struggle against the determination of the future. The article considers how the temporal aspect helps power to maintain and strengthen its dominance, while enabling resistance to create alternative future scenarios. It emphasizes that resistance acts as a catalyst for social change and, drawing on the ideas of Foucault and Deleuze, underlines the primacy of resistance over power. It concludes that resistance not only seeks to outpace power in time, but represents a qualitatively different approach to time and history.

45

Keywords: power and resistance, multi-temporality, temporal regime, synchronization, philosophy of history, utopia, Foucault, Mannheim, Deleuze

Синхронизация и сопротивление

«**П**оследнее слово власти гласит: сопротивление первично...» — так Жиль Делёз суммирует концепцию сопротивления Мишеля Фуко [Делёз 1998: 120]. Эту цитату можно рассматривать не только как констатацию первенства, но и как семантическое указание на темпоральные отношения власти и сопротивления. Слово «по-

следнее» может отсылать нас к *будущему*, к самому последнему слову властной парадигмы; а может и свидетельствовать о *настоящем*, констатировать некий финал продолжительного конфликта. Слово «первично» точно так же отсылает нас к *прошлому*, к истокам и истории этого самого конфликта.

Внимание к неоднородности времени — это отличительная черта теорий мультитемпоральности, которые черпают свое начало из теории истории и социологии. Теории мультитемпоральности описывают время не как линейное и поступательное течение или гомогенный временной период, а отмечают и описывают *со-присутствие* различных независимых от друг друга времен. Самый простой пример — вместе с физическим, «естественным», временем существуют, например, электоральные циклы, учебные семестры и особый график работы фондовых бирж.

46

Также исследователи истории и времени обращают внимание на то, как изменяются отношения прошлого, настоящего и будущего — как разные темпоральности влияют друг на друга и подчиняют общественное пространство и опыт переживания времени. Историк Франсуа Артог описывает то, что мы привыкли называть эпохой Модерна, как устремление настоящего времени в будущее, которое привело к игнорированию прошлого. Однако современность, «новейшее время», по Артогу, наоборот, сосредоточено на презентизме — заикленности на настоящем, которое поглощает прошлое и не задумывается о будущем. Презентизм Артог называет «тиранией мгновения» и оплакивает возможность обращаться с прошлым, как с уже пережитым, а не опытом в настоящем [Hartog 2015: 232]. Опираясь на разницу подходов к темпоральности в Модерне и «новейшем времени», Артог вводит термин «режим историчности» или «режим темпоральности», который описывает отношение ко времени в разные эпохи. Исследователь указывает, что разные режимы темпоральности могут доминировать и заменять друг друга, но это не значит, что время было или становится однородным. Именно «множественность различных режимов темпоральности стала отличительной чертой настоящего» [Ibid.: 222]. Тем не менее Артог не развивает концепцию соприсутствующих в настоящем времен, концентрируясь на доминировании «настоящего» в сегодняшнем опыте взаимодействия со временем.

Норвежский исследователь Хельге Юрхайм оспаривает и идею прогресса как гомогенного темпорального движения, и идею режимов историчности — преобладания одного отношения ко времени в конкретную эпоху: «Режиму темпоральности, определяемому как “новое время”, бросали вызов другие времена, другие темпоральности, медленные, быстрые, с другими ритмами, другими последовательностями событий, другими повествованиями и так далее.

Ответы на эти вызовы пришли в форме попыток сравнить, унифицировать и адаптировать различные времена или, другими словами, синхронизировать их в единое однородное, линейное и телеологическое время прогресса» [Jordheim 2014: 502].

Таким образом, для Юрхайма ведущим вопросом являются уже не границы между прошлым, настоящим и будущим, а попытки синхронизации этих множественных темпоральностей в единое представление о современности. Юрхайм выступает против этих попыток, опираясь на Райнхарта Козеллека, который также обращает внимание на множественные и конкурирующие темпоральности, которые создают несинхронность внутри любого исторического периода [Ibid.: 504-505].

Таким образом, именно несинхронность и мультитемпоральность — это основные характеристики исторического времени. Любая же синхронность, гомогенность времени — это навязывание определенного «режима историчности». Синхронизация — это адаптация мультитемпоральности и контроль над темпоральными режимами, в том числе и контроль политический, включает Юрхайм [Ibid.: 506]. Поэтому он предлагает использовать понятие «темпоральный режим» не в историческом ключе, как у Артога, а для обозначения «множественности времен, присущей множественности социальных явлений» [Ibid.: 509].

47

Здесь и кроется главная специфика термина: если режимы темпоральности все время находятся под контролем синхронизации, то это значит, что вопросы времени являются вопросами власти, которая хочет задавать такт движению времени и контролировать его скорость. Ведь только контролируя время, присутствие в настоящем прошлого и будущего, можно удачно планировать и прогнозировать, создавать дискурсы и цепочки нарративов, лежащие в основу идентичности. Поэтому, как отмечает Бенедикт Андерсон, линейное время характерно для наций, то есть суверенных государств [Anderson 1991: 22-26]. Более того, границы, разделяющие настоящее, прошлое и будущее, сами по себе являются политическими по своей природе [Lorenz, Bevernage 2013: 11].

Тем не менее, признавая явное влияние политики на время, теории мультитемпоральности редко обращаются к тому, как сама мультитемпоральность проявляет себя в современных властных отношениях внутри государства, отдавая предпочтение, например, вопросам колониализма или отношений разных социальных групп внутри общества. Также теории мультитемпоральности, являясь постструктуралистскими по своей сути, редко берут за основу политическую философию, которая уделяет особое внимание вопросам власти и сопротивления. При этом сами теоретики мультитемпоральности отмечают, что признание негомогенности времени

«обладает эмансипаторным эффектом и может служить политике сопротивления» [Бевернаж 2016: 177].

Похожую проблему отношений времени и сопротивления рассматривает и социология. Однако социологический подход практически полностью игнорирует отношения настоящего с прошлым и будущим, на которые обращает отдельное внимание философия истории. Вместо этого в социологических работах можно часто встретить обращение к мультитемпоральности через теорию социального ускорения Хартмута Розы, согласно которой технический прогресс создает в обществе ускоряющиеся и догоняющие структуры [Rosa 2013]. Современных социологов волнуют скорее частные вопросы темпоральных отношений власти и сопротивления: например, влияние соцсетей на скорость мобилизации протестов или сопротивление навязанному капиталистическому режиму работы офисов¹.

Однако кажется важным, чтобы в разговоре о времени и власти звучало не только признание мультитемпоральности, одновременности неодновременного, но и внимание к тому, как прошлое и будущее конструируют различные временные режимы. Ведь время, как и другие социальные факторы, укореняется в том, как мы думаем и анализируем происходящее [Gillan, Edwards 2020: 502]. Поэтому я строю свою работу вокруг вопроса: «Как именно признание мультитемпоральности может служить политике сопротивления?»

Из концепции Фуко следует, что сопротивление есть там, где есть власть; и если мы согласны с тем, что вопросы синхронизации времени — это задача власти, то отрицание этого навязанного единого времени — это инструмент сопротивления. Я определяю понятия «власть» и «сопротивление» вслед за Фуко, для которого власть являет себя во множественности контролирующих практик, тогда как сопротивление — это набор контрпрактик, оспаривающих притязания на этот контроль [Фуко 1996; Фуко 2006; Фуко 2011]. Сопротивление в этой парадигме всегда стремится оспорить верховенство власти как обладателя авторитета и конечной истины. Фуко описывает власть как «плотную ткань», которая пронизывает аппараты и институты, а сопротивление — как «рой точек», который пронизывает общество [Фуко 1996: 197]. В работе «Субъект и власть» французский философ определяет пять характеристик сопротивления: 1) трансверсальность (независимость от географии или формы правления); 2) желание воздействовать на власть; 3) критика вла-

1 Такие исследования можно найти в тематических номерах социологических западных журналов, например, номер «Time, Power and Resistance» (2019) норвежского журнала *Sociologisk Forskning* или «Time for Change?» (2020) журнала *Social Movement Studies*.

сти для решения проблем в настоящем, а не в будущем; 4) борьба за индивидуализацию и в то же время против разделения общества на индивидуальности; 5) борьба с «привилегией знания» власти [Фуко 2006: 166]. Более того, сам Фуко периодически указывает на то, что мультитемпоральность является характеристикой разных форм сопротивления, и само обращение ко времени может быть одной из таких форм [Lilja 2018: 420].

Этот подход позволяет выдвинуть гипотезу о том, что власть и сопротивление — как две противоборствующие силы — возникают и действуют в разных темпоральных режимах, которые конструируются различным отношением к прошлому, настоящему и будущему.

Прошлое власти и будущее сопротивления

Для начала разговора о влиянии времени на отношения власти и сопротивления можно обратиться к немецкому теоретику Карлу Мангейму, которого называют первопроходцем в теории мультитемпоральности — описанию одновременности неодновременного, взаимодействия различных темпоральных констелляций и отношений со временем в политике [Kettler, Loader 2004: 157]. В своей работе «Идеология и утопия» Мангейм определяет утопию как своеобразный тип мышления, «трансцендентную по отношению к действительности ориентацию, которая, переходя в действие, частично или полностью взрывает существующий в данный момент порядок вещей» [Мангейм 1994: 164]. Идеология же, наоборот, имманентна текущему бытию и ограничена текущей социальной действительностью. Именно поэтому утопия имеет то, чего лишена идеология, — темпоральную цель и длительность, то есть движение к будущему (либо же к возвращению прошлого), а идеология здесь — это инструмент «плотной такни настоящего», говоря словами Фуко.

По Мангейму, на отдельных стадиях развития бытия возникает некое «идейное и духовное содержание», которое включает в себя «все “негативное”, еще не реализованное, все нужды данной стадии бытия»; это содержание и есть утопия. «Эти духовные элементы становятся тем взрывчатым материалом, который выбрасывает данное бытие из его границ. Бытие порождает утопии, они взрывают его основы и ведут к образованию следующей ступени» [Там же: 170].

Мангейм описывает четыре вида утопий, которые на деле являются четырьмя темпоральными режимами: хилиазм, либерализм, консерватизм и социализм. Эти утопии определяют не только содержание надежд и нужд своих последователей, но и формируют своеобразное восприятие исторического времени, «расчленяющую события смысловую целостность», которая предшествует представлению о социальных элементах бытия [Там же: 179].

Так, хилиастическое движение XVI века характеризуется абсолютным игнорированием «настоящего» во времени. Хилиазм проповедует скорое наступление божьего царства на земле, поэтому жизнь его последователей заполняет ожидание пришествия этого царства так, что любое земное время для них не дифференцируется: утопия хилиазма фокусируется только на мистическом будущем. Это подлинная временная утопия, в которой социальное и пространственное настоящее не имеет значения [Там же: 181-185].

Вслед за хилиазмом приходит либеральная идея, которая также обращена в будущее. Но это уже конкретное земное будущее; цель, которая влияет на настоящее и регулирует его. Либерализм верит, что время представляет из себя линейное движение к прогрессу, и поэтому прошлое для него не пережиток истории, а уже часть движения к будущему. Если хилиазм предполагал внезапное вторжение утопической цели в настоящее, то либерализм перемещает эту цель в далекое будущее: «С этих пор даже для утопического видения мир движется в сторону осуществления заложенного в нем смысла, утопии» [Там же: 189]. Настоящее же для либерализма стало способом осуществления утопического идеала веры в разум.

50

Консерватизм, наоборот, считает настоящее идеалом и целью — законченной формой социального развития. Мангейм замечает, что консерватизм — это устройство создания темпорального ощущения, а не подлинная утопия, ведь содержание консерватизма полностью соответствует текущему бытию. В противовес оппонирующим утопиям будущего консерватизм конституирует настоящее как что-то, что всегда было обусловлено прошлым. Исторические события, социальные системы, государства и нации — это продукт исторического прошлого, которое формирует и будет всегда формировать настоящее. Поэтому для консервативного мышления прошлое постоянно переживается во всем настоящем [Там же: 194-198].

Наконец, социалистическо-коммунистическая форма утопии, как и либеральная, обращает свои надежды в будущее. Но если либеральная утопия видит цель в самом этом будущем, то социалистическая ставит себе в задачу достижение этого будущего с помощью революции. Будущее для социализма — это не либерально-романтическое движение вперед, это конкретная насущная констелляция и продуманные шаги для ее достижения. Поэтому социализму для подготовки своего будущего нужно усиленное внимание к преобразованиям настоящего. Здесь консервативная идея детерминированности переносится из прошлого в настоящее: социализм «сейчас» закладывает основу для детерминированности того, что будет «потом». Иными словами, социализм конституирует себя за счет будущего в настоящем. Главной исторической опорой социализма становится «социальная структура и ее формирующие силы», по-

этому и историческое прошлое тоже подчинено «стратегическому плану настоящего» [Там же: 203-206].

Мангейм предупреждает, что описанные им четыре утопии никогда не встречаются в чистом виде; более того, они не существуют порознь, а одновременно переплетаются в различных общественных сознаниях и явлениях, соперничают друг с другом за влияние, изменяются под давлением других утопий и даже уничтожают друг друга. Через такое многообразное темпоральное бурление Мангейм и описывает одновременность неодновременного.

Его теория также указывает на то, что хилиазм, либерализм и социализм возникают в качестве протеста против сложившихся социальных и политических устоев, то есть в ответ на сформировавшееся настоящее. Консерватизм, однако, — единственная утопия, которая защищает настоящее от нападков будущего. Будущее всегда приносит изменения, а значит, протестует против претензий настоящего на абсолют и истину. И в таком соотношении четко виден конфликт не враждующих политических верований, но устремленных во время утопических констелляций: прошлое и будущее сталкивается в битве за детерминацию настоящего.

Но кто отвечает за эти две стороны конфликта? За ответом на этот вопрос я обращаюсь к теории сопротивления Фуко. В его работах периодически встречаются указания на темпоральный характер сопротивления господству — эти фрагменты описывает шведская исследовательница Мона Лилья [Lilja 2018]. Например, в сборнике «Безопасность, территория, население» Фуко описывает темпоральные режимы, которые характеризуют власть и сопротивление. Государство для него живет в следующей темпоральности: «Государственный интерес установил в качестве основного закона скрижали современного управления, и вместе с тем исторической науки, что отныне человек живет в бесконечном времени. Правительства будут всегда, государство будет всегда, и не надейтесь, что это прекратится. Новая историчность государственного интереса исключает империю последних дней, исключает царство эсхатологии» [Фуко 2011: 458].

Сопротивление же добывается обратного: «В тот день, когда гражданское общество сможет освободиться от принуждения и опеки государства, когда государственная власть наконец будет поглощена тем самым гражданским обществом <...> — в этот день если не время истории, то уж точно время политики, время государства сразу завершится. <...> Первая форма контрповедения¹: утвержде-

1 Российские переводчики перевели термин Фуко «counter-conduct» как «антиповодырство». Но мне кажется, это не самый удачный перевод в силу не только архаичности этого русского слова, но и смутности его значения. Поэтому я позволю себе упростить этот термин и заменить его на «контрпо-

ние конца времен, когда гражданское общество одержит верх над государством» [Там же].

В этих цитатах Фуко ссылается на «государственный интерес» как на первичный закон, заповедь, с которым общество должно мириться в течение всей последующей вечности, отмечает Лилья. Именно поэтому противодействие этому дискурсу власти имеет темпоральную форму. И сопротивление начинается с создания утопии — темпорального «разрыва, где создается новая фаза вечности без политики государства» [Lilja 2018: 422]. Здесь мы уже можем увидеть параллели с утопиями Мангейма: государство конституирует себя древними законами, то есть прошлым; будущее буквально обречено подчиниться прошлому, и эту зависимость нельзя ничем разбить. Поэтому единственная возможность для сопротивления — это перепредумывание будущего в надежде на «тот самый день». Здесь эсхатологию сопротивления Фуко можно сопоставить с хилиазмом Мангейма в части ожидания пришествия мистического будущего, но Лилья находит и другие темпоральные режимы сопротивления у Фуко.

52

Например, в уже упомянутом отрывке из «Субъекта и власти» говорится: «Они [люди] не считают, что решение их проблем может располагаться в каком-то будущем (т.е. в обещании освобождения, революции, в завершении классовой борьбы)» [Фуко 2006: 166]. Здесь Фуко рассматривает сопротивление уже не как противодействие власти образами будущего, а как борьбу против субъективации власти в настоящем [Lilja 2018: 422]. Эта субъективация осуществляется властью также и за счет времени, например, устанавливая графики режимов работы. Таким образом, власть контролирует социальную организацию времени, а значит, и социальные действия, и опыт людей¹. Однако, как уже говорилось, отдельные формы власти имеют и свои формы сопротивления. Если власть использует время как инструмент контроля, значит, и сопротивление будет использовать его как инструмент протеста [Ibid.: 424]. Если власть использует дисциплинарные практики как элемент настоящего, то и сопротивление будет бороться за освобождение настоящего от этих практик. И здесь можно предположить, что власть дисциплинирует настоящее как раз для того, чтобы контролировать тот временной режим, который ведет общество в уже подчиненное прошлым будущее. Сопротивление же, переконструируя настоящее, пытается освободить это будущее от претензий власти, господства детерминирован-

ведение», которое, может, и не отражает всю полноту термина, но является по крайней мере интуитивно более понятным.

1 Об этом подробнее в работе Фуко «Надзирать и наказывать» (1975).

ности. И в этой оптике уже можно заметить в описании сопротивления у Фуко черты социалистической утопии Мангейма.

Власть и сопротивление основаны в более длительных темпоральностях, не синхронных друг с другом, и поэтому их сочетание выводит привычный «сценарий времени из-под контроля и открывает возможности для других форм существования», отмечает Лилья [Ibid.: 426]. Таким образом, у сопротивления обнаруживается собственная независимая темпоральность: протест против власти в настоящем может не иметь мгновенных результатов, но конструирует возможное будущее для сопротивления в виде смены политического режима или революции [Ibid.: 430-431]. Темпоральность сопротивления «одновременно отображает и продолжение, и изменение» [Ibid.: 428]. Иными словами, сопротивление создает собственную темпоральность, собственное отношение ко времени, которое стремится стать всеобъемлющим за счет нового, утопического образа будущего.

Следует также обратить внимание и на то, как сопротивление относится к прошлому. Фуко уточняет, что история может служить оружием и для власти, которая конституирует себя через прошлое, и для сопротивления, которое с помощью контр истории, создает основу своего протеста¹. Власть создает нарратив об абсолютности собственной истины, используя выгодные исторические нарративы в музеях, учебниках и памятниках, регулируя, как и какое прошлое имеет право жить в настоящем. Таким образом, создается линейное течение преемственности власти, мешающее появлению множества темпоральностей, которые потенциально могли бы выступать на стороне сопротивления [Haydu 2020: 631].

Поэтому борьба за прошлое — это всегда борьба за настоящее. Исследователи описывают примеры того, как сопротивление ищет преемственность в прошлом точно так же, как и обращает свой взор к будущему. Так, на помощь протесту в настоящем могут приходиться передаваемые поколениями семейные истории репрессий и борьбы за гражданские права или отождествление нынешними активистами себя с революционерами прошлого [Rayne 2007; Hochschild 2016]. То, что протестные движения появляются в принципе в любую эпоху, уже указывает на возможность сопротивления противостоять контролю, закрепленному в истории и законе, то есть противостоять хронологической силе власти и навязанной преемственности линейного времени [Vazquez 2009: 2.24].

1 Фуко подробно разбирает значение истории для власти и сопротивления в цикле лекций «Нужно защищать общество» (1976).

Таким образом, как уже говорилось, и создается отдельная темпоральность сопротивления. Она, несомненно, движется к утопическому образу свободного будущего, конструируемого в настоящем. Однако сопротивление подпитывается и собственным опытом прошлого, которое необходимо для того, чтобы разорвать навязанное как единственно истинное повествование о господстве властного режима в настоящем. Ведь движущей силой в рассказах о былых протестах все равно является устремление в будущее, попытки помыслить лучшую жизнь, которые если и не были достигнуты, то остаются мечтой о наступлении утопии.

Исходя из вышесказанного, можно подвести первый итог: власть и сопротивление действительно находятся в пересекающихся, но различных темпоральностях. Власть по своей природе имеет скорее консервативный характер, так как подчиняет и настоящее, и будущее линейному и синхронизированному времени, берущему свои истоки из прошлого. Но важно подчеркнуть, что из-за своей консервативной природы власть заботится только о настоящем, часто не утруждаясь создавать отдельный от нынешней ситуации образ будущего. Для контроля этого настоящего используется и время — как инструмент унификации и подчинения общим нормам, законам времени, законам эпохи. Сопротивление разрывает это линейное время. Оно ведет борьбу в настоящем, но всегда устремлено в будущее, которое детерминируется этой борьбой. В настоящем же разворачивается и поле для битвы за прошлое — за оспаривание самых основ абсолюта власти и ее претензий на истинность как в настоящем, так и в будущем. Сопротивление выстраивает себе отдельную историю, отдельный исторический режим; и даже когда протесты настоящего становятся прошлым, они сохраняют свой образ будущего для нового настоящего.

54

Настоящее против будущего

В этом разделе содержится попытка показать, как мультитемпоральность инструментально влияет на отношения власти и сопротивления в современной политике и какие дополнительные выводы можно сделать из утверждения, что власть и сопротивление существуют в разных темпоральных режимах. Немецкий теоретик Хартмут Роза считает, что «современность» характеризуется постоянным ускорением темпов технического прогресса, все более частыми социальными изменениями и, следовательно, ускорением самого темпа жизни людей. Таким образом, если власть и сопротивление уже существуют в разных темпоральных режимах, можно ли предположить, что и современные процессы ускорения действуют на них по-разному?

Роза обращает внимание на то, как ускорение времени отражается на работе властных механизмов. Он отмечает, что «политический проект современности» в принципе основывается на убеждении, что «общество должно быть организовано во времени» [Rosa 2013: 251], но сегодня ускоряющиеся процессы делают эту задачу для власти все более сложной. Роза рассматривает влияние ускорения времени на инструментальные демократические процессы и замечает, что принципы работы государственных институтов, особенно если они завязаны на обсуждении и выработке консенсуса (что замедляет процессы регулирования и принятия решений), не поспевают за темпами социальных изменений. Поэтому итогом может стать то, что современная политика просто окажется не способной соответствовать новым, постоянно меняющимся условиям [Ibid.: 254].

Это может грозить всем политическим режимам — и прогрессивным, и консервативным. Для Розы политическая идеология — это следование за временем с разной скоростью: прогрессивная политика может только ожидать ускорения истории, а консервативная пытаться «сохранить то, что можно сохранить» путем противоборства этому ускорению [Ibid.: 258]. И попытка замедлить время оборачивается еще большим усилением контроля со стороны власти, вмешательством в технологические и социальные сферы.

55

Когда власть не поспевает за обществом, выстроенное ею гомогенное время рушится, и предложенное прошлым *несовременное* будущее перестает соответствовать общественным запросам. А не поспевает власть как раз из-за того, что в силу своей природы всегда сосредоточена только на настоящем, и ее консервативный характер подвержен нападкам со стороны утопий будущего. Поэтому власть все больше обращается за помощью к прошлому в попытках сохранить свою гегемонию в темпоральном объединении и трактовке истории. Таким образом, консервативный характер власти становится еще консервативнее — она способна менять свое настоящее только под давлением изменений, которые врываются из других темпоральных режимов: «политика теряет роль влиятельного актора, формирующего само игровое поле, и приобретает статус преимущественно реактивного участника игры» [Ibid.: 264]. Поэтому в погоне за контролем настоящего власть все более теряет из виду будущее, которое конституируется уже без ее влияния.

И этой неспособностью власти уже не только контролировать образ будущего, но и удерживать гомогенность времени, несомненно, пользуется сопротивление. Оно же является одним из факторов, который подталкивает ускорение изменений. Десинхронизация, возникающая между властью и социальными изменениями, вы-

ступает в качестве самой основы для сопротивления, о чем говорилось в начале статьи.

Вслед за размышлениями Розы можно прийти к выводу, что неспособность политики задавать темп социальному развитию означает, что «нынешнее социальное ускорение остается без политических и коллективных целей и обращается поглощающим застоєм» [Kaun 2016: 473]. Однако мне представляется, что это не совсем так. Неспособность власти задавать темп, вектор или движение социальных изменений означает скорее то, что общество может обратиться за этими связующими время компонентами к другому субъекту изменений и политического влияния — сопротивлению. Ведь характерной чертой сопротивления в современной политике как раз является «способность проецировать будущее в будущее и представлять альтернативные способы жизни там, где другие не могут» [Gillan, Edwards 2020: 503]. Сопротивление предполагает диагностирование проблем и несправедливостей настоящего для того, чтобы предлагать иное будущее. Более того, сопротивление таким образом стирает границы между настоящим и будущим — «борьба и цель, реальное и идеальное, становятся единым целым в настоящем» [Maeskelbergh 2011: 2-4].

56

Так сопротивление выходит на первый план в сфере ускоряющихся социальных изменений не только потому, что направляет свою активность в будущее, но еще и потому, что, ведя будущее в атаку на настоящее, само становится прогрессором многих социальных изменений. Само сопротивление через десинхронизацию становится как бы ускорителем времени. И с этой позиции еще более убедительно звучит вывод Делёза о первичности сопротивления по отношению к власти, который он делает, исходя из рассуждений Фуко. Сопротивление являет себя уже не просто оппозицией, а атакующей: «Власть, таким образом, следует понимать <...> как принципиально подчиненный компонент по отношению к сопротивлению» [Рауниг 2012: 49].

Здесь можно сделать сильное утверждение, что стремление власти объединить в себе социальное, историческое и политическое через выстраивание линейного и гомогенного времени в конечном счете может обернуться против нее самой. За неспособностью соответствовать ускоряющимся изменениям стоит, скорее всего, изначальная неспособность признать существующую мультитемпоральность, которая сама по себе разбивает притязания власти на истину и навязывание искусственного объединения.

Сопротивление же более пластично: оно позволяет выбирать собственное прошлое, которое послужит началом для борьбы за настоящее и за будущее в этом настоящем. Если утопии будущего возникают как протест против текущего положения дел, значит,

в сопротивление уже заложен потенциал изменений. Когда власть сталкивается с изменениями, она регулирует их и преобразует исходя из собственного прошлого (законов, практики, опыта и традиции) и становится неспособной к восприятию будущего. Иными словами, настоящее для власти оказывается всегда позади настоящего сопротивления. Власть продвигает прошлое в настоящее, а настоящее — в будущее. Сопротивление же научилось объединять будущее с настоящим и, значит, стало более открыто к вызовам времени.

Заключение

Итак, как же именно признание мультитемпоральности может служить политике сопротивления? Было показано, что внимание к мультитемпоральности изначально является характеристикой сопротивления, так как власть остается слепа к сосуществованию и соперничеству разных времен — одновременности неодновременного. Задача власти — выстраивать линейное гомогенное время, которое легитимирует само существование власти и от которого по этой причине она не может отказаться. Оспаривание единства этого времени уже служит поддержкой для политики сопротивления.

57

Более того, чтобы выстраивать гомогенное время, власти нужна опора на прошлое, которое определяет и политику настоящего. Власть все время оказывается заикленной на настоящем, пытаясь привести его в согласие с прошлым, отыскивая основания для того, что происходит «сейчас», в том, что происходило «раньше». Сопротивление же конституирует себя через будущее. Уже само наличие пускай и нечеткого представления об ином, отличном от нынешних форм господства будущем подрывает основы для контроля в настоящем. Таким образом, сопротивление борется за «сейчас», чтобы приблизить его к тому, что оно хочет видеть «потом». Но нельзя говорить, что отношения власти и сопротивления — это просто борьба прошлого с будущим или борьба двух разных настоящих. Скорее борьба идет во всех режимах времени одновременно: одно прошлое вытесняет другое, одно настоящее опережает другое и одно будущее становится более четким и многообещающим, чем другое.

В этом отношении задача сопротивления заключается скорее не в том, чтобы опередить власть во времени — это оно способно делать и так. Гораздо более важная задача заключается в бережном отношении ко времени, которое власть все время пытается обуздать и развернуть в нужное ей русло. «Критический мыслитель времени не хочет победить время, а скорее стремится освободить, спасти наше отношение ко времени, к прошлому, к памяти, к истории; он должен

получать [от времени], а не обладать [им]» [Vazquez 2009: 2.25]. И лучшее решение этой задачи — это та самая десинхронизация, которая, по сути, является отрицанием навязанной темпоральной нормы.

Можно предположить, что «настоящее» само по себе не несет в себе никакого наполнения, кроме момента для действия. Содержание настоящего постоянно детерминируется другими временами, далекими и близкими, прошедшими и еще не наступившими. Поэтому выбирая определенный темпоральный режим настоящего, мы выбираем и его прошлое, и его будущее. И, наоборот, выбирая определенное прошлое и будущее, мы выбираем то, как будет выглядеть наше настоящее. В этой свободе выбора и разоблачении безысходности течения истории кроется важнейший инструмент мультитемпоральности для сопротивления.

Библиография / References

Бевернаж Б. (2016) Аллохронизм, равенство во времени и современность. Критика проекта радикальной современности Йоханнеса Фабиана и доводы в пользу новой политики времени. *Социология власти*, 28(2): 174-202. EDN TZXYGZ.

58

— Bevernage B (2016) Allochronism, temporal equality and modernity. A critique of Johannes Fabian's project of radical modernity and the case for a new politics of time. *Sociology of Power*, 28 (2): 174-202. — in Russ.

Делёз Ж. (1998) Фуко. Пер. с фр. Е. В. Семиной. М.: Издательство гуманитарной литературы.

— Deleuze J. (1998) *Foucault*. М.: Publishing House of Humanitarian Literature. — in Russ.

Мангейм К. (1994) *Идеология и утопия. Диагноз нашего времени*, М.: Юрист: 7-276.

— Mannheim K. (1994) *Ideology and Utopia. Diagnosis of our time*, М.: Lawyer: 7-276. — in Russ.

Рауниг Г. (2012) *Искусство и революция: художественный активизм в долгом двадцатом веке*, СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге. EDN: QTAEZF

— Raunig G. (2012) *Art and Revolution: Artistic Activism in the Long Twentieth Century*, St. Petersburg: European University Press in St. Petersburg. — in Russ.

Фуко М. (2011) *Безопасность, территории, население. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977–1978 учебном году*, СПб.: Наука.

— Foucault M. (2011) *Security, territories, populations. Course of lectures given at the Collège de France in the 1977–1978 academic year*, St. Petersburg: Nauka. — in Russ.

Фуко М. (1996) *Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности*, М.: Кастиль.

— Foucault M. (1996) *The will to truth: beyond knowledge, power and sexuality*, М.: Castal. — in Russ.

- Фуко М. (2006) *Субъект и власть. Интеллектуалы и власть. Часть 3*, М.: Праксис: 161-191.
— Foucault M. (2006) *Subject and Power. Intellectuals and power. Part 3*, М.: Praxis: 161-191. — in Russ.
- Anderson B. (1991) *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*, London: Verso.
- Gillan K. (2020) Temporality in social movement theory: vectors and events in the neoliberal timescape. *Social Movement Studies*, 19(5-6): 516-536. <https://doi.org/10.1080/14742837.2018.1548965>
- Gillan K., Edwards G. (2020) Time for change. *Social Movement Studies*, 19(5-6): 501- 515. <https://doi.org/10.1080/14742837.2020.1806813>
- Hartog F. (2015) *Regimes of Historicity: Presentism and Experiences of Time*, New York: Columbia University Press. <https://doi.org/10.7312/hart16376>
- Haydu J. (2020) Adding time to social movement diffusion. *Social Movement Studies*, 19(5-6): 625-639. <https://doi.org/10.1080/14742837.2019.1599851>
- Hochschild A. (2016) *Strangers in their own land: Anger and mourning on the American right*, New York: The New Press. <https://doi.org/10.1080/09687599.2019.1589751>
- Jordheim H. (2014) Introduction: Multiple times and the work of synchronization. *History and Theory*, 53 (4): 498-518. <https://doi.org/10.1111/hith.10728>
- Kaun A. (2016) Our time to act has come: desynchronization, social media time and protest movements. *Media, Culture & Society*, 39 (4): 469-486. <https://doi.org/10.1177/0163443716646178>
- Kettler D., Loader C. (2004) Temporalizing with Time Wars: Karl Mannheim and Problems of Historical Time. *Time & Society*, 13 (2-3): 155-172. <https://doi.org/10.1177/0961463X04040739>
- Lilja M. (2018) The politics of time and temporality in Foucault's theorisation of resistance: ruptures, time-lags and decelerations. *Journal of Political Power*, 11(3): 419-432. <https://doi.org/10.1080/2158379X.2018.1523319>
- Lorenz C. & Bevernage B. (2013) *Breaking Up Time. Negotiating the Borders between Present, Past and Future*, Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht. <https://doi.org/10.13109/9783666310461.7>
- Maackelbergh M. (2011) Doing is believing: Prefiguration as strategic practice in the alterglobalization movement. *Social Movement Studies*, 10(1): 1-20. <https://doi.org/10.1080/14742837.2011.545223>
- Payne C. (2007). *I've got the light of freedom: The organizing tradition and the Mississippi freedom struggle*, Berkeley: University of California Press.
- Rosa H. (2013) *Social Acceleration: A New Theory of Modernity*, New York: Columbia University Press.
- Torpey J. (2006) *Making Whole what Has Been Smashed: On Reparations Politics*, Cambridge, London: Harvard University Press. <https://doi.org/10.1111/j.1747-7093.2006.00038.x>
- Vazquez R. (2009) Modernity Coloniality and Visibility: The Politics of Time. *Sociological Research Online*, 14(4). URL: <https://doi.org/10.5153/sro.1990>

Голубева Анастасия Павловна — независимая исследовательница, магистр политической философии, Московская высшая школа социальных и экономических наук (МВШСЭН), Манчестерский университет. Научные интересы: философия истории, теории мультитемпоральности, историческая политика, постструктуралистская философия. ORCID: 0009-0000-4140-0201. E-mail: greenlightoff@gmail.com

Anastasia P. Golubeva — independent researcher, MA in Political Philosophy, Moscow School of Social and Economic Sciences (MSEES), University of Manchester. Research interests: philosophy of history, theories of multitemporality, historical politics, poststructuralist philosophy. ORCID: 0009-0000-4140-0201. E-mail: greenlightoff@gmail.com